

Родился в Смоленске, преподавал английский язык в колледже. С 1995 года был активным участником литературного объединения «Персона». Печатался в смоленских, тамбовских, донецких изданиях. В 2002 году вышла книга его стихов «Круг чтения. Квадрат окна. Треугольник души». Погиб в результате несчастного случая. В 2004 года вышла книга «В кромешной тьме я маленькая точка...», куда вошли все законченные произведения поэта.

ГДЕ ВРЕМЯ ЗАСЫПАЕТ НА ХОДУ...

СТАРИК И МОРЕ

стоял ноябрь и за окнами темнело
не то чтобы внезапно постепенно
в его углу всё было как всегда
неторопливо и тоскливо осовела
совсем кукушка над кроватью то и дело
вдруг слышалось не гулкое ку-ку
но уханье глухое старику
проснувшись (радость языку
забыть про буквы) поворчать хотелось
что нынче ночью снова не спалось
ворочалось вздыхалось и сопелось

но всё-таки под утро удалось
вздремнуть часок-другой (приснились скалы
полоска пляжа (правильные формы
неправильны) у берега буйки но за буйки
не заплывать на заднем плане море
и чёрно-белых-белых чаек стайка
земля они кричали айвазовский
трезубец посеидона рыбаки
мелькали рыбы морды плавники)

.....

проснувшись он поплёлся ставить чайник
на кухню сморщенные тапки — расцвело —
спешили по паркету тот скрипел
и пели волны грустно безнадёжно

ЧТЕНИЕ В ТЕМНОТЕ

милый Шеймус пишу тебе эти строки сам не знаю зачем
в угоду желанью стать ближе или же так от скуки
наверное в обращении есть нечто большее чем
слово скопление звуков и сами звуки
единственно различимые в этой тьме
знаки присутствия изворотливы словно ужи проворны
это правда что в нашей глуши особенно на письме
буквы/губы неповоротливы мысли вздорны
в нашей глуши всё как есть совершенный покой
омут фригидность муз какая бывает лишь в третьем
тысячелетии если кому-то махнёшь рукой
расстояние жест исказит и тебе не ответят
а теперь здесь зима и неизвестно какое
сегодня число и за окном кружится
почему-то не белое но удивительно голубое
снежное облако и шелестят страницы

ВОСПОМИНАНИЕ

*Всё так горизонтально, что никто
Вас не прижмёт к взволнованному бюсту.*

И. Бродский

В стране, где в рыжих сумерках дома
друг к дружке прижимаются поближе,
где больше шансов всем сойти с ума
от одиночества среди таких же

среди таких же, как и вы теней,
от сырости немного ошалевших,
блуждающих при свете фонарей,
среди пейзажей за день надоевших.

В стране, где стоя на каком-нибудь мосту
художнику возможно простудиться,
но не понять, зачем летят за ту
черту река, и облака, и эти птицы.

Остановиться и упасть лицом
на перекрестье белых длинных линий,
туда, где вас раздавят колесом.
В стране, где не бывает лилий

одни тюльпаны, мельницы и свай
громады, спорящие с морем,
и где вам не услышать «ай-
люли» над косогором или полем.

В стране, где каждый первый скуп
(вопрос, скорей, не принципа, а крови),
где, торопливо кутаясь в тулуп,
молочница с ведром поднимет брови

в ответ на ваше «хау-дую-ду».
В стране, где в сыре дырочек навалом,
где время засыпает на ходу,
вдруг вспомнить ту, единственную ту,
которая любить не обещала.

ИДЁТ ВАША МОЛОЧНИЦА С МОЛОКОМ

тук-тук (т. е. нок-нок) она пришла
ключ маялся в замочной бедолага
он ждал когда его обнимут пальцы (раз-два-три)
мечтал о тишине спокойствии внутри
кармана или ящика комода
она пришла одна а на столе
лежали молча хлеб полфунта масла
мёд кажется какая-то стряпня
стояла и язык огня чудесный пламень красный
ворочался в камине семена
она пришла с ведром вдали густое
сползало облако на живописный лес
домов проснулось все окрест
и через край струилось белое парное

ЖЕНСКАЯ БОГАДЕЛЬНЯ

(Перевод стихотворения Сильвии Плат)

Все в чёрном, наподобие жуков,
— Столь хрупкие, что стоит только дунуть, —
И вмиг развалятся, рассыплются в труху, —
Старухи изнутри ползут наружу
На солнышке погреться, посидеть

Среди камней, спиной прижаться к тёплой
Ограде каменной. Вязальные крючки

В их сморщенных руках, под птичий щебет,
Заводят песню старую, как мир,
про сыновей и дочек: дочери, сыновья,
Далёкие, холодные как фото —
Графические снимки, внучки, внуки,
Которых никогда никто не видел.
И с возрастом рыжеет чёрный цвет
Их платьев, зеленеет, как лишайник.

На крик совы слетается вся нежить,
Согнав старух с зелёного газона.
А ближе к ночи из своих постелей,
как из гробов, старухи ухмыляются друг дружке.
И Ангел Смерти, этот старый лысый хрен,
пасётся в коридоре, выжидая,
И лампы слабый фитилёк становится короче
с каждым вздохом.

ВОСВОЯСИ

за тучкой в небе за какой-нибудь бирюлькой
за дудочкой играющей в углу
ты тянешь ручки пухлые свои
нескладный гамлет мой и никому
колпак дурацкий свой не доверяешь
всё размышляешь бы... или не бы...
и время говорит тебе ку-ку
и взгляд пустой скользит по потолку
есть музыка в молчании и ты
молчишь над буквами оставив без вниманья

рыданья муз и всхлипы тишины
молчишь до хрипоты...
тебя смешит мычанье патефона
и плакать хочется от звона бубенцов
хор в вышине молчит но без старанья
короче помраченье налицо
должно быть в бездне так вселенная вокруг
но лучше бы не чувствовать вселенной
остановить бы этот страшный звук
остановить движение не-движеньем
да да ты помнишь помнишь что была
была одна все пела и плыла
плыла и пела думала люблю
куда-то вдаль на запад в западню
ни сонный лес ни птицы ни цветы
не знали этой песни восвояси
её течение несло лишь ню
и евдундосья речные нимфы
ей подпевали весело смеясь
и эхо повторяло торопясь
и плеск воды и смех и голоса
до смерти оставалось полчаса
kom, søster, kom med oss¹ они
её с собою звали
в муть омута и выбраться едва ли
пльиви офелия пльиви

¹ Иди, сестра, иди с нами (датск.).

ОКНО ВЫХОДИТ НА УЛИЦУ

Камертон¹

дас фенстер геет ауф ди штрассе, йа²
улица извивается и уводит взгляд
куда-то откуда потом нельзя
ни выбраться
ни ускользнуть
ни скрыться

торговка у дома напротив напоминает домну
васильевну или скорее всего петровну
проснувшийся город вдруг принимает форму
летающей
на север
птицы

никто никуда не спешит никто никуда воскресенье
самое время для счастья и одиночества так целый день я
лежу на диване и разглядываю растения
на подоконнике
это ли
счастье

окно выходит на улицу о несомненно
улица будто бы вымерла переменный
местами сильный с порывами перемена
погоды
приносит одни
несчастья

¹ Прибор, служащий эталоном высоты звука при настройке музыкальных инструментов и в пении (*нем. Kammerton*).

² Окно выходит на улицу (*нем. das Fenster geht auf die Straße, ja*).

ГЛУМ¹ УНЫНИЕ

Мир был печальным, начиная со вторника.

Г. Маркес

Уныние. Весь день нетороплив.
Я должен с этим чувством примириться, —
Бессмысленно по комнате слоняться
Из одного угла в другой
И что-то бормотать себе под нос
Или молчать насупившись,
на слово натолкнувшись.
Всё бесполезно. (Взмах рукой)
Прислушаться: там ползает внутри,
В коробочке квадратной из-под спичек, —
Он маленький и выглянет вот-вот,
И тяжело часы вздыхают на окне,
И выпь, ополоумев, кричит из мха —
Кха-кха! — дверь кашляет и дышит за стеною.
(Немного погода)
рукой нащупать гвоздик
И сделать дырочку, овал,
Подырмоляйствовать,
Что ничего не слышишь притвориться
И превратиться,
Как механизм немой повиснуть
или слиться
С фигурой в зеркале.
Уныние. Весь день нетороплив.
Я должен с этим чувством примириться.

¹ Уныние (англ. *gloom*).

ПЕЧАЛЬ

(Стихотворение Теодора Хюбнера Рётке)

я понял всю неумолимую печаль карандашей,
лежащих аккуратно в своих коробках,
всё горе пресс-папье и промокашек,
всю грусть-тоску скоросшивателей и клея,
всё одиночество, отчаянье, унынье, царящее
в общественных местах,
в приемных, туалетах и т. д.
весь неизменный пафос умывальника и крана,
всю ритуальность мультиграфа, скрепки, запятой,
всю бесконечность повторений лиц, людей,
предметов, жизней, судеб.
я видел пыль, сидящую на стенах учреждений,
заведений, институтов,
тончайшую, как лучшая мука, опасную, ужасную, живую,
почти невидимую пыль, летящую сквозь скуку бытия,
и покрывающую тонкой плёнкой ногти,
глазурью липкой волосы и брови, —
она садилась, медленно кружась, на совершенно
одинаковые лица
не то людей, не то печальных серых ксерокопий.

* * *

Разрезать вещь и вынуть смысл
Я тороплюсь.
Не быть боюсь.
Хочу успеть
Всё рассмотреть, расставить, разложить
И жить,
Бессмысленно горя,
И умереть от сентября.